

В небольшом дворике перед кабинетом росло несколько бамбуковых стеблей. Они тянулись к небу редко и сиротливо, тихо шелестя под порывами прохладного раннеосеннего ветра. Клубился туман, размывая блёклые очертания луны, отчего всё вокруг казалось зыбким и неверным.

Посреди двора, то ли намеренно, то ли случайно укрывшись в густой тени, неподвижно стоял человек.

Однако Шэнь Цинчжоу хватило одного взгляда, чтобы узнать гостью — это была старшая молодая мисс, Цинь Сыминь.

Не дожидаясь расспросов, она заговорила первой:

— На охоту.

— Что? — Шэнь Цинчжоу недоуменно уставился на неё, не сразу сообразив, к чему она клонит.

Цинь Сыминь сделала два шага вперёд, выходя из темноты на струящийся из окон кабинета свет. Она упрямо сжала бледно-розовые губы, а во взгляде читался немой упрёк.

— Вы обещали, младший дядя-наставник, — она выжидающе посмотрела на Шэнь Цинчжоу. — Сказали, что как только освободитесь, сразу отвезёте нас с Тяньцэ на охоту.

Шэнь Цинчжоу поднял глаза к небу. Тонкий серп молодой луны завис в вышине, напоминая сочащийся ледяной стужей изогнутый клинок. Редкие звёзды терялись в рваных облаках, лишённые блеска, навевая лишь ощущение глухой тоски.

Он перевёл взгляд на Цинь Сыминь и издал звук искреннего замешательства:

— А-а?

Цинь Сыминь принялась загибать пальцы:

— На Одиннадцати островах Пэнлай нет приличных угодий, а стрелять рыбу в море мне не хочется. Если мы отправимся в путь прямо сейчас, под покровом ночи, то к рассвету как раз доберёмся до Бездны Гаюань.

— В Бездну Гаюань? — у Шэнь Цинчжоу голова пошла кругом. — Оставим в стороне то, что на дворе глухая ночь. Но ты хоть знаешь, что прямо сейчас там стоит лагерем армия во главе с принцессой Чандин?

— Конечно знаю, — Цинь Сыминь спрятала руки за спину, буквально светясь от восторга. — Она мне так нравится! Она потрясающая!

«Святая простота, истинно говорят — новорождённый телёнок тигра не боится». Шэнь Цинчжоу невольно усмехнулся:

— Так ты на охоту собралась или на принцессу Чандин поглазеть?

Цинь Сыминь ненадолго задумалась и с самым серьёзным видом кивнула:

— И то, и другое.

«Ишь какая разборчивая».

Шэнь Цинчжоу со вздохом покачал головой:

— Принцесса Великого Цяня — не та особа, к которой можно запросто явиться в гости. Её лагерь охраняют отборные войска, туда и мышь не проскочит. Как ты собираешься пробираться через посты?

— А вдруг случайно встретимся?

Шэнь Цинчжоу понял, что спорить с этой упрямой девицей бесполезно. Не найдя других доводов, он решил призвать к порядку её сыновний долг и припугнуть отцом:

— Ты ведь сбежала тайком? Если глава семьи узнает...

— Я оставила записку! — выпалила Цинь Сыминь с небывалой для неё скоростью.

Шэнь Цинчжоу зашёл с другого боку:

— Время давно перевалило за час Хай, Тяньцэ наверняка уже спит десятым сном...

Даже будучи дурачком от рождения, Цинь Тяньцэ вырос под строгим присмотром мастера Зала Подвешенного Зеркала. Пусть умом он не блестал, но ухаживать за собой умел, а его распорядок дня — подъём в час Чэнь, отбой в час Хай — соблюдался с поистине пугающей точностью.

В глазах Цинь Сыминь промелькнул лукавый огонёк, и она, обычно бесстрастная, едва заметно улыбнулась:

— Он ждёт на Пике Погони за Облаками.

—... Ты уже вытащила его туда? — лицо Шэнь Цинчжоу вытянулось.

Цинь Сыминь расправила плечи и с гордым видом выпятила грудь. Впрочем, она по-прежнему выглядела холодной, словно ледник, и лишь в её тёмных глазах мерцали загадочные искорки.

Шэнь Цинчжоу сдался. Если он откажется, упрямица не отстанет, а несчастному Тяньцэ придётся до утра мёрзнуть на пронизывающем ветру Пика Погони за Облаками.

— На охоту? Я с вами! У меня как раз два дня выходных!

Тань Ци незаметно подкрался со спины. Похоже, этот парень из тех, кто быстро забывает былые раны: страх улетучился, ноги больше не дрожали, а на лице сияло мальчишеское нетерпение.

Шэнь Цинчжоу хотел было прикрикнуть на него и велеть не совать нос в чужие дела, но вовремя осёкся. Оставлять этого подозрительного чужака в усадьбе без присмотра было ещё опаснее.

— Ладно, идём вместе, — Шэнь Цинчжоу тяжело выдохнул. За последние несколько дней он вздыхал чаще, чем за всю свою прошлую жизнь. — Спать сегодня не придётся. Справишься?

«Ха, тоже мне, недооценивают современного студента!» Тань Ци с гордостью ударил себя кулаком в грудь:

— Да я на этом собаку съел! Уж поверьте, не спать ночами для меня — обычное дело!

Шэнь Цинчжоу оглядел его с ног до головы и, окончательно смирившись со своей участью, указал на дверь:

— Освежись с дороги, переоденься в походную одежду и возьми меч.

— Одна нога здесь, другая там! — Тань Ци мгновенно испарился.

Его голос донёсся уже откуда-то издалека, растворяясь в ночном воздухе и потревожив дремавшего неподалёку зверя мэнцзи, который отозвался недовольным рыком.

Шэнь Цинчжоу присел на корточки и ласково погладил Хэйшицзы от макушки до самого хвоста. Зверь довольно прищурился и заурчал, а в его глазах мерцал бирюзовый свет.

— Берём? — неожиданно спросила Цинь Сыминь.

— Нет, — Шэнь Цинчжоу удивительным образом понял её с полуслова. — Хэйшицзы останется охранять дом.

Цинь Сыминь задумчиво посмотрела на зверя, её пальцы привычно коснулись рукояти оружия.

Этот клинок звался Мечом, Колеблющим Чувства. Холодный, точно северная изморозь, способный беззвучно рассекать железо, когда-то он был частью свадебного приданого госпожи Цинь, а в день совершеннолетия перешёл к её дочери.

— Подожди меня здесь, Сыминь. Я соберу вещи.

Тяжёлая туча наплзла на небосвод, окончательно поглотив хрупкий серп молодой луны.

После долгого, беспамятного сна Ли Шиминь вновь пришёл в себя.

«Мать твою, да в какой уже раз?!»

В сознании безумным вихрем проносились отсветы былых сражений и звон скрежечающихся клинков. Он уставился в раскинувшееся над ним небо, но разглядел лишь глухую пелену туч. Ни единой звезды, ни единого луча луны.

В памяти всплыли очертания горы Чжуннань. Старые раны, полученные в бесчисленных походах за годы собирания империи, в конце концов одолели государя. Последний вздох императора угас в покоях дворца Цуйвэй в двадцать третий год эры Чжэньгуань великой династии Тан.

Уходя в небытие, Ли Шиминь думал лишь об одном: если ему суждено переродиться, он вновь воздвигнет великую державу, пред которой в благоговении склонятся тысячи народов.

Но стоило ему открыть глаза, как он обнаружил себя в теле Чжу Цичжэня — императора династии Мин.

Место, где он очнулся, звалось крепостью Туму.

«Где моя Тан?! — безмолвно возопил Ли Шиминь. — Где моя великая, необъятная империя?!»

Едва он успел переварить горькую весть о том, что его династия Тан пала, не продержавшись и

трёх веков, как пришло новое известие: враг перекрыл источники воды, а к стенам подступила бесчисленная орда ойратов. В этот миг Ли Шиминь воспрянул духом.

«Дьявол с ней, с Тан, сначала нужно разбить этих ублюдков!»

Ойратский предводитель Эсен попытался заманить его в ловушку притворным перемирием, но Ли Шиминь раскусил обман с первого взгляда. Собрав войска и наплевав на трусливый ропот придворных, он лично повёл армию в бой.

«Сейчас я покажу вам, недоноскам, почему меня звали Великим генералом Тяньцэ!»

Наголову разгромив орду ойратов и с триумфом вернувшись в Пекин, Ли Шиминь не стал торопиться с ответным ударом. Его девизом всегда было: не поднимать оружия попусту, а если уж воевать — то стирать вражеские государства с лица земли.

К слову, тот чиновник по имени Юй Цянь оказался на редкость толковым малым, да и наследный принц выглядел вполне сносно. Вот только местная императрица и в подмётки не годилась его ненаглядной Гуаньиньбэй.

Когда спустя время министры прознали, что их государь снова лично ведёт полки за ворота столицы, у них едва не поотнимались ноги от ужаса.

Однако передышка пошла империи на пользу, и сил у страны теперь вполне хватало, чтобы Ли Шиминь мог совершить свой победоносный поход в глубь северных степей.

С фронта кочевников теснили пехотные полки Юй Цяня, косившие врага огнём из пищалей и пушек, а с тыла налетала неуловимая конница под предводительством самого императора. Враг дрогнул и, спасая жизни, побежал далеко на запад.

Ли Шиминь вернулся с великой победой.

Раз уж небеса даровали ему второй шанс, грех было тратить его впустую. Погоревав над страницами хроник ушедшей Тан, он засучил рукава и принялся ковать золотой век Великой Мин.

Спустя двадцать лет пришёл его час, и, оставив престол наследнику Чжу Цзяньшэню, Ли Шиминь мирно закрыл глаза.

Новое пробуждение встретило его в теле императора династии Сун, презренного Ваньянь Го... нет, Чжао Го.

Ещё во времена своего правления под именем Чжу Цичжэня он читал сунские летописи и едва

не исходил желчью от злости. У этой жалкими правителями ведомой династии было всё: золото, зерно, бесчисленный людской ресурс и преданные полководцы — так какого же чёрта они умудрились докатиться до такого позора?!

Особняком в этом списке предателей стояли Чжао Цзи, Чжао Хуань и сам Чжао Го. Надо же, правители, торгующие собственной страной!

Он очнулся в самый чёрный час: Юэ Фэй уже был отозван двенадцатью золотыми указами и брошен в застенки, а трусливый двор готовился признать себя вассалом чжурчжэней. Ли Шиминь огляделся по сторонам — роскошь тронного зала, блеск яшмы и шёлковые драпировки казались ему сотканными из пролитых слёз и крови простого люда.

«Император? Жалкий слизняк Чжао Го, да разве ты достоин этого титула?!»

Взгляд Ли Шиминя, отражавший золото и камни, вспыхнул яростным блеском боевой стали.

Небесный каган с грохотом ударил по столу:

— Призовите канцлера Шэня! У Меня к нему есть смертельно важное дело.

Не прошло и часа, как объятый холодной яростью Ли Шиминь вошёл в мрачные казематы Судебного приказа. Он лично отпер запоры темницы и швырнул окровавленную голову Цинь Хуэя к ногам истерзанного, измученного пытками Юэ Фэя.

— Пэнцзюй, прости, что Я опоздал.

Отправив Юэ Фэя залечивать раны в императорский дворец, Ли Шиминь во главе гвардии первым делом схватил продажного чинушу Ли Цзюня, наживавшегося на горе народа и оклеветавшего верного генерала. Сразу после этого военачальник Ян Ичжун по его приказу оцепил резиденцию главного цензора.

Ибо не следовало мерзавцу Моци Се прибегать к калёному железу и дыбе, выбивая признания из защитника империи.

Очистив двор от предателей, Ли Шиминь издал покаянный указ. Этим шагом он не только вернул доверие преданных родине ополченцев, но и заставил зажавшихся вельмож раскошелиться, вытряхнув из их сундуков золото и зерно на нужды великого Северного похода.

Спустя несколько месяцев Ли Шиминь лично повёл армию на север. Юэ Фэй со своими ветеранами форсировал реку и ударил по Лучжоу. Армия чжурчжэньского воителя Ваньянь Учжу дрогнула и побежала, но сунские полки неотступно преследовали её по пятам.

Чжурчжэни исстари говорили: «Легче сдвинуть гору, чем одолеть армию Юэ». И всё же после изнурительного отступления Ваньянь Учжу лелеял надежду дать последний бой. Но у Юэ Фэя на сей раз за спиной стояли надёжные союзники. Когда на холмах взвились знамёна с начертанным на них именем Хань, и навстречу беглецам устремились лавины всадников Хань Шичжуна со сверкающими палашами наголо, вражеский воевода понял, что всё кончено.

С трудом вырвавшись из капкана ценой гибели лучшей тяжёлой конницы «Железных пагод», уцелевшие отряды чжурчжэней с разгона налетели на заслон, ведомый самим Ли Шиминем.

Сквозь пороховой дым и пыль сражения раненый Ваньянь Учжу видел, как юный, исполненный величия император натягивает лук. Стрела сорвалась с тетивы, свистя подобно падающей звезде.

«Лишь со смертью Юэ Фэя наступит мир...»

Эта фраза, некогда казавшаяся незыблемой истиной, вспыхнула в угасающем сознании полководца.

Ныне же Юэ Фэй остался жив.

А значит, царству Цзинь пришёл конец.

Со смертью величайшего из вражеских вождей преграда рухнула. Путь на север лежал открытым, и возвращение исконных Шестнадцати округов Яньюнь стало лишь вопросом времени.

В тринадцатый год эры Шаосин копыта коней Юэ Фэя сокрушили хребты Хэланьшаня.

Много лет спустя, разделяя хмельную чашу с Юэ Фэем и Хань Шичжуном под сенью мирного неба, Ли Шиминь внезапно промолвил:

— Пэнцзюй, Я прослышал об одном молодом человеке, одинаково искусном как в сложении стихов, так и в ратном деле. Что скажешь, если Я отдам его тебе в ученики?

— И как же зовут этого юношу? — с улыбкой поинтересовался Юэ Фэй.

Ли Шиминь загадочно прищурился:

— Синь Цицзи.

Юэ Фэй рассмеялся, отпивая вина:

— Кто знает, вдруг в будущем он станет новым Хо Цюйбином для нашей державы.

На этот раз судьба отмерила ему долгий век. Прошли десятилетия, и состарившийся Ли Шиминь, созерцая угасающие блики солнца на бумажной ширме, с лёгким сердцем покинул этот мир.

Но беспросветный мрак забвения вновь рассеялся, и государь открыл глаза, преисполненный самых противоречивых чувств.

В душе его не осталось места былому трепету — лишь глухое раздражение да горькая усмешка:

«Ну же, покажите Мне, в чьё тело Меня занесло на сей раз? Какого нерадивого правителя Мне предстоит наставлять?»

Оказалось, на сей раз он унаследовал не корону, а лишь бремя наследного принца по имени Ли Хэн. На престоле же восседал небезызвестный Ли Лунцзи.

«Постойте... Ли Лунцзи?!»

Ли Шиминь мысленно подскочил на месте, уже предвкушая, как сдерёт три шкуры со своего праправнука — царствующего императора Сюань-цзуна.

«Паршивец! Моя эра Чжэньгуань заложила фундамент державы, даже Чжину и девица У держали спесивую знать в ежовых рукавицах! И как скоро ты позволил этим паразитам снова поднять головы?! Неужели Я напрасно составил трактат "Дифань"? Если бы ты, недоумок, придерживался хотя бы главы о сплочении царственного рода, мы бы не оказались у края этой бездны!»

«Сначала устроил расцвет Кайюань, а закончил всё мятежом Ань Лушаня?! Из-за твоей глупости столица пала, а сам ты бежал на окраины, спасая шкуру?! Вокруг бушует пламя войны, земли рвут на части алчные воеводы, а ты преспокойно слушаешь свою слащавую "Радужную песню"?!»

«Трепещи, мерзавец! Твой великий предок Тай-цзун вернулся!»

Будучи в этом теле, он занимал пост Великого маршала всех армий Поднебесной, удерживая под своим началом округа Шофан, Хэдун и Пинлу. Государь прекрасно помнил из хроник, что именно в Линъю Ли Хэн объявил себя императором, став первым в истории правителем, взошедшим на трон за пределами столицы, прежде чем отбить Чанъань.

Теперь, когда бразды правления оказались в его руках, он во что бы то ни стало вытащит свою великую империю из трясины позора!

Что же до никчёмного Ли Лунци... Хм, покажу уважение — назову отцом-императором, а разозлюсь — без лишних церемоний нареку покойным предком.

Вернув былое величие Тан, Ли Шиминь взялся за реформы с истинным размахом. Он раз и навсегда уничтожил власть военных наместников-цзедуши, силой отобрал земли у заносчивых кланов, а на государственных экзаменах приказал скрывать имена кандидатов, дабы исключить кумовство.

Ду Фу дослужился при нём до верховного цензора. Как-то раз Ли Шиминь ради шутки зачитал в его присутствии строку: «От невзгод и горестей виски мои покрылись инеем». Поэт пришёл в неописуемый восторг и принялся настойчиво расспрашивать государя, чей великий гений породил столь пронзительные слова.

Генерал Нань Цзюнь, легонько касаясь шрамов на отрубленных пальцах, заливисто хохотал и звенел чарками с Чжан Сюнем, предаваясь воспоминаниям о том дне, когда их повелитель, подобно грозному небожителю, явился с войском на выручку осаждённому Суйяну.

Когда Янь Чжэньцин услышал, как император со скучающим видом нарёк его «Левым судьёй Обители изгнания скверны», он не на шутку перепугался и взмолился, чтобы государь лучше занялся проверкой счетов, нежели подшучивал над старым слугой.

Ли Бай, хоть и побелел головой, сохранил юношеский пыл мятежной души. Он написал для Ли Шиминя добрый десяток едких обличительных стихов, клеймящих предателя-принца Юна, и по-прежнему пил вино, кружился с мечом в залах заново открытого павильона Шаовэнь и слагал оды своей далёкой луне.

Прославленный полководец Го Цзыи то и дело говаривал, что в делах правления и ратном искусстве нынешний император точь-в-точь походит на великого основателя династии — Тай-цзуна. За подобные льстивые речи Ли Шиминь в шутку сослал его на дальние рубежи — обучать диких тибетцев изящным манерам и танцам.

Уходя на покой в этой жизни, Ли Шиминь улыбался: он верил, что исправил все ошибки потомков и не оставил после себя ни капли сожаления.

Но рок распорядился иначе, и следующим его пристанищем стало тело Лю Шаня, последнего правителя царства Шу Хань.

«Да издеваетесь вы там наверху, что ли?!»

Что ж, пришлось браться за дело заново: возрождать великую Хань, возвращать былую столицу, сокрушать притязания Вэй и У. Канцлеру Чжугэ более не суждено было угаснуть горькой звездой над равниной Учжаньюань — окрепнув духом и телом под присмотром деятельного государя, он повёл войска на северных гуннов, калёным железом выжигая саму возможность будущего нашествия варваров.

«Отец-наставник, желаете ли вы принять титул Небесного кагана?»

И вот теперь он очнулся здесь.

Ли Шиминь задумчиво всматривался в затянутый мглой небосвод.

«Чьи нереализованные чаяния и исторические обиды мне суждено исправить на сей раз? Судя по всему, я теперь либо опальный ханьский принц Лю Цзюй, либо несчастный первенец великой Цинь — благородный Фусу?»

«Впрочем, какая разница. Меня уже ничем не удивить».

Отряхнув дорожную одежду, он поднялся на ноги и обернулся на донёсшийся сверху свист ветра. Прямо к нему, рассекая облака, на парящем мече летела молодая женщина.

— Тяньцэ!

Ли Шиминь оцепенел.

«... Ладно, беру свои слова назад. Такого дерьма мне точно видеть ещё не приходилось».

<http://bllate.org/book/18428/1804631>